

ОТ ПАРТИЗАНСКИХ ВОЙН К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

К актуальности «теории партизана» Карла Шмитта

Ален де Бенуа

пер. с французского Андрея Игнатьева

В конце 1990 года Арбатов, советник Горбачева, заявил американцам: «мы нанесем вам самый ужасный удар: мы оставим вас без врага». Весьма символические слова. Крах советской «империи зла» мог лишить всякого идеологического оправдания американскую гегемонию над союзниками. С этого времени американцам оставалось только найти нового врага, чья угроза, реальная или мнимая, но в любом случае усиленная в восприятии благодаря средствам пропаганды, позволила бы им продолжить сохранять свою гегемонию над партнерами, которые никогда еще не были в такой степени похожими на вассалов. Именно это Соединенные Штаты и сделали, в 2003 году, два года спустя после террористических атак 11 сентября, разработав концепцию глобальной войны против терроризма (Global War on Terrorism).

Выяснить, кто является твоим врагом, это, бесспорно, как раз в духе Шмитта. Именно по этой причине многие авторы принялись в последние годы изучать обстановку в современном мире в свете того или иного аспекта творчества Карла Шмитта, чаще всего, когда речь заходит о военных операциях, которые проводит Америка, или мерах, предпринимаемых Вашингтоном для борьбы против исламизма или международного терроризма (1).

Темой нашего исследования станет образ «международного» террориста в сравнении с фигурой партизана, такой, какой ее описал Карл Шмитт в своей знаменитой книге «Теория партизана» (2).

Но сначала надо вспомнить, что первоначально слово «террор» не обозначало никоим образом действия иррегулярных, партизанских формирований. «Террор» (la Terreur) является общим названием периода, продолжавшегося с сентября 1793 года по июль 1794 года, когда революционная французская власть прибегла к террору в официальном порядке, чтобы подавить своих политических противников. Поэтому, во время своего появления на политической сцене «террорист» не являлся бойцом иррегулярного формирования, который противопоставляет легитимность своих действий легальности, с которой он сражается. Напротив, он был лицом, действующим от имени власти. «Террор» 1793 года был государственной политикой, совпавшей по времени с одним из периодов Французской революции. Он осуществлялся в интересах государства и как таковой предполагал монополию власти на насилие. Само слово «терроризм» первый раз появилось во французском языке в 1794 году для обозначения режима политического террора, стоявшего в ту пору у власти. Через два года это слово войдет в словарь. «Полчища дьяволов из ада, именуемых террористами, выпустили в мир», - так писал в ту пору Эдмунд Берк. Итак, это слово обозначает действия, осуществляемые государством или политическим режимом, то есть легальные действия (которые можно назвать

нелегитимными), но вовсе не нелегальные действия (которые можно назвать легитимными). Это совсем не то, что в дальнейшем, в девятнадцатом веке «терроризм» будет прежде всего восприниматься как нелегальная форма деятельности против государства или политического режима. Это слово обретет тогда негативный оттенок и прекратит служить самоопределением (но слово «террор» продолжит использоваться для обозначения определенных мер, к которым прибегали тоталитарные режимы, такие как нацистский или сталинский. Тогда речь будет идти о «терроре», но не о «терроризме». С этого времени два термина будут разъединены). Это замечание весьма важно, так как оно позволяет понять, что также мог существовать (и существует всегда) терроризм государства.

Также интересно констатировать, что введение «террора» во Франции шло рука об руку с введением французскими революционерами, начиная с апреля 1792 года, первой войны в истории, которую можно было назвать «тотальной войной» - выражение, которое никогда не применялось, например, к религиозным войнам шестнадцатого столетия или к Тридцатилетней войне, несмотря на многочисленные злодеяния, которые эти войны породили (3). Тотальная война характеризуется тем, что отменяются традиционные различия, прежде действовавшие во время войны. Одно из новшеств, появившихся в 1792 году, заключалось в том, что в первый раз в истории можно было увидеть полки, состоявшие целиком из недавно мобилизованных гражданских. С другой стороны, конфликт обрел неограниченные масштабы и распространился на все аспекты жизни общества. В то время как революционер-«террорист» представлял себя сам в роли защитника добродетели (он «очищает» общество), революционная война затрагивала как участников боевых действий, так и тех, кто не участвовал в них. Те, кто вели ее, сами говорили о «войне до победного конца». Жан-Батист-Ноэль Бушо, бывший военным министром, говорил о необходимости «вселить ужас в сердца наших врагов» (4). Робеспьер призывал «полностью подавить, истребить, уничтожить врага» (5). Таким же образом полагалось необходимым поступить и с внутренними врагами, что означало, что война с иностранными государствами и гражданская война ведутся в соответствии с теми же самыми принципами: во время боевых действий в Вандее республиканские войска получили недвусмысленный приказ не брать пленных и уничтожать всех мужчин, женщин и детей без разбору. «Тотальная война, - пишет Жан-Ив Гьомар, - это такая война, которая приводит в движение никогда прежде не виданные массы сражающихся, воодушевленных желанием одерживать победы вплоть до полного уничтожения врага. Поэтому это война, ведущаяся без передышки и отвергающая возможность переговоров, имеющих целью остановить вооруженный конфликт и прекратить его как можно скорее» (6). Очевиден полный разрыв с принципами «ведения войны по правилам», которым следовали до Революции (7).

Эта неограниченная война обладает другой значимой чертой: то, что она ведется во имя «свободы». Революционеры, которые в мае 1790 года торжественно заявили о своем намерении отказаться «навсегда» от завоевательных войн, оправдывали свои действия – и их неограниченный характер – своим намерением «освободить пребывающие под игом народы», свергнуть все монархии и распространить повсюду в мире принципы Революции. Если они нападали на соседние страны, то для того, чтобы «дать им свободу», если они устраивали резню, то потому что возвышенные нравственные (идеологические) цели оправдывают применение любых средств. Связь между «моральной» войной и

тотальной войной в свете того, о чем говорил Карл Шмитт, являет здесь поразительно наглядный пример (8).

У Карла Шмитта фигура партизана является сущностно важной, так как она представляет собой совершенный пример того, что государство и политика не обязательно являются синонимами, но, напротив, могут разделяться. На самом деле, партизан ведет в высшей степени политическую борьбу, но она осуществляется вне контроля государства и даже главным образом направлена против него. Деятельность партизан показывает, что могут вестись внешние войны, которые не являются войнами между государствами, и что противником не обязательно может выступать государство.

Шмитт проводит различие между фигурой партизана, такой, какая она является в партизанских войнах, ведущихся в начале девятнадцатого века в Пруссии и Испании против наполеоновской оккупации, и современным боевиком-революционером. И тот и другой, конечно, являются бойцами нерегулярного ополчения, которые действуют вне легального поля и противопоставляют этой легальности легитимность, на которую они ссылаются и которую воплощают. И тот и другой являются «вольными стрелками», которые именуют себя «участниками сопротивления». В то же время как их параллельно клеймят не только как «нелегальных» бойцов, но и как бойцов «нелегитимных», так как публичные власти отказывают им во всяком праве на сопротивление или восстание. И тот и другой, в ходе их собственной деятельности игнорируют традиционную разницу между военными и гражданскими. Изначально эта разница соответствует разнице между лицами, принимающими участие в военных действиях, и лицами, не принимающими в них участие. Предполагается, что гражданские не участвуют в войне, и именно по этой причине они пользуются особой защитой. Между тем партизаны не обязательно являются военными, и даже в редких случаях оказываются ими. Чаще всего, они являются гражданскими, решившими взяться за оружие. И эти гражданские часто набрасываются сами на других гражданских, которых они считают пособниками или союзниками своего врага.

Партизан и боевик-революционер тем не менее принципиально отличаются друг от друга. Партизану, кроме его нерегулярности и активной вовлеченности в политику, Карл Шмитт в качестве отличительного критерия приписывал гибкость и мобильность в активной борьбе, указывая при этом, прежде всего, на его теллурическую природу. Партизан ставит перед собой ограниченные цели на территории, которую он считает своей. Желает ли он положить конец иностранной оккупации или свергнуть режим, который он считает нелегитимным, его деятельность связана с этой территорией. Итак, он зависит от логики Земли.

Этим он и отличается от «бойца революции» или «революционного деятеля», типа, чье происхождение Шмитт возводит к Ленину (9), и который определяется «абсолютной агрессивностью идеологии» или претендует на воплощение идеала «абстрактной справедливости». Вначале речь может идти о партизане классического типа, который оказывается «непреодолимо вовлеченным в сферу деятельности сил технического и промышленного прогресса. Он становится все более мобильным благодаря моторизации, вплоть до того, что он становится несвязанным ни с какой местностью. Мобильный партизан такого типа утратит свой теллурический характер» (10). Утрата этого теллурического характера происходит из того, что боевик-революционер не связан по

сути своей с какой-либо отдельной территорией: фактически, вся Земля представляет собой поле его деятельности. Но отсутствие ограничений проявляется и на другом плане. «Боец революции» освобождается от всяких ограничений в выборе средств. Убежденный, что он ведет целиком справедливую войну, он радикализуется одновременно в идеологическом и нравственном отношениях. Он с неизбежностью считает своего противника преступником и, в свою очередь, сам воспринимается как таковой. Вместе с боевиком-революционером пришла абсолютная вражда. Для Ленина, пишет Карл Шмитт, «целью являлась коммунистическая революция во всех странах мира; все, что служит этой цели, является хорошим и справедливым [...] В глазах Ленина только революционная война является настоящей войной, потому что она рождается из абсолютной враждебности [...]. Со дня, когда Партия обрела абсолютную ценность, партизан сам стал абсолютным и взошел на уровень носителя абсолютной враждебности» (11).

«Там, где война ведется сторонами, которые считают друг друга равными себе [...], - добавляет Шмитт, - партизан остается маргинальной фигурой, которая не нарушает привычных понятий о войне и которая не изменяет природу этого политического феномена. Но если борьба включает восприятие противника целиком как преступника, если война, например, оказывается войной, которую ведут между собой враждебные классы, если ее главной целью является свержение правительства вражеского государства, взрывная сила этой криминализации врага делает партизана подлинным героем войны. Он это тот, кто приводит в исполнение смертный приговор, вынесенный в отношении преступника или вредного элемента. Такова логика войны *justa causa*, которая не признает *justus hostis*» (12). Террорист наших дней это, очевидно, наследник или последнее воплощение этого второго типа.

В какой степени различие между двумя этими типами партизана соответствует различию между корсарами и пиратами? Жюльен Фройнд двадцать лет назад написал, что «партизанская война и нынешний терроризм это неким образом сухопутное восприятие корсарства и пиратства [...]. Современный тип партизана представляет собой, так скажем, копию сухопутного корсара, а тип террориста – копию пирата. Без сомнения, здесь есть логика вплоть до нерегулярного характера деятельности и того и другого, в этом смысле трудно иногда было провести грань между корсаром и пиратом; и то же самое в случае партизана и террориста» (13). Шмитт видит также в фигуре корсара прообраз фигуры партизана. Он говорит здесь о корсаре, который пользуется общественным признанием, хотя он действует как участник нерегулярного формирования, в противоположность пирату, который считается преступником и которого никто не признает. Однако корсар действует на море, в то время как партизан у Шмитта по природе своей связан с землей. Что касается современного террориста, то он превосходит все эти различия. Он, конечно, скорее пират, нежели чем корсар, но он действует также в пространстве, находящемся по ту сторону различия между сушей и морем.

Шмитт не соглашается с мнением, что в условиях промышленного и технического прогресса фигура партизана утрачивает свое значение. Он, напротив, утверждает ясно и недвусмысленно, что тот же самый прогресс придаст ей новое измерение. «Что произойдет, - задается он вопросом, - если человеческий тип, который до настоящего времени определялся как «партизан», сумеет приспособиться к своему техническому и промышленному окружению, поставить себе на службу новые средства и развиваться в

новый вид приспособившегося партизана? [...] Кто сумеет помешать неожиданному появлению новых типов бойца, в чьей деятельности обретет новое, неожиданное воплощение фигура партизана?» (14)

Итак, «терроризм» не является каким-то новым феноменом. То, что здесь нового, это центральное место, которое он занимает (или которая ему приписывается) на международной сцене. Вопрос заключается в том, можно ли это объяснить или нет появлением новой формы терроризма. Между тем, существует разительный контраст между тем, что всюду говорят о терроризме, и семантической неясностью, которая присуща этому термину, неясностью, которая не мешает его по-разному использовать.

Один из первых вопросов, которые возникают, связан с представлением о легитимности террористической деятельности, легитимности, которую террористы постоянно утверждают, но в которой, конечно, им отказывают их противники. Проблематика партизана сама сразу же поднимает вопрос о паре «легальность-легитимность». Именно потому что он является бойцом, стоящим вне рамок легальности, партизан может ссылаться только на высшую легитимность в противоположность позитивному закону, установленному властью, с которой он сражается, это все равно, что оспорить, что легальность и легитимность никогда не могут совпасть. Это тема занимала Шмитта больше всего (15).

Нельзя отрицать, что определенные формы «терроризма» признавались легитимными в недавнем прошлом, начиная со времени второй мировой войны (во время которой участники сопротивления клеймились как «террористы» оккупационными властями), затем в период деколонизации, когда многочисленные террористические группы представляли себя как «борцов за свободу» (freedom fighters), желавших путем вооруженной борьбы достичь независимости от старых колониальных держав. Четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 года, например, наделяют участников сопротивления большинством прав и привилегий из числа тех, которыми обладают солдаты регулярной армии. После 1945 года в эпоху антиколониальной борьбы бесчисленные вооруженные меньшинства, движения «освобождения» или партизаны афишировали себя, в свою очередь, как организации сопротивления, сталкиваясь с государственным аппаратом, который квалифицировал их как «подрывные» или «террористические» группировки. Когда их борьба завершалась, и они достигали международного признания, средства, которые они использовали, задним числом признавались оправданными. Также получило распространение мнение, что в определенных случаях терроризм может иметь оправдание. Конечно, утверждалось, что терроризм не может быть оправдан тогда, когда есть иные возможности для выражения политических и социальных требований. Но так и не смогли придти к согласию касательно критериев, позволяющих отличить «хороший» терроризм от плохого. Оценка нравственной или безнравственной природы терроризма было делом пропаганды или просто зависело от личного усмотрения.

Граница между «участниками сопротивления» и террористами стала настолько размытой, что определенные события и изменения режима могли привести бывших террористов к власти, что превращало их в признанную сторону для переговоров и в уважаемых представителей их страны. Алжир и Израиль, назовем только два этих примера, обязаны своим возникновением в качестве независимых стран систематическому использованию

террористических методов.

И сегодня «участники сопротивления» для одних оказываются «террористами» для других. Использование этого термина оказывается непостоянным и даже обратимым. Те же самые талибы, которых называли борцами за свободу (freedom fighters) в эпоху советского вторжения в Афганистан, сразу превратились в террористов, когда начали использовать те же самые методы против своих бывших союзников. Боевики АОК, которых представляли как «участников сопротивления», когда силы НАТО бомбили Сербию, стали «террористами», когда они напали на Македонию, являющуюся союзницей НАТО и Соединенных Штатов. Можно привести и другие примеры (16).

Вопрос о том, какое место занимает терроризм по отношению к биному «легальность-легитимность» усложняется, наконец, вследствие существования феномена «легального» терроризма, в случае когда речь идет о терроризме государственной власти. Если определять терроризм как способ действия, призванный нанести как можно больший ущерб как можно большему количеству невинных жертв, как сознательное уничтожение невинных, взятых наугад, чтобы деморализовать и посеять страх среди населения, или чтобы оно оказало давление на своих политических лидеров и вынудило их капитулировать, то вне всякого сомнения, ужасные бомбежки гражданского населения в Германии и Японии во время второй мировой войны попадают под это определение, потому что во всех случаях мишенью оказывались именно лица, не принимавшие участие в боевых действиях.

Вопрос о том, что нынешний «гипертерроризм» или «международный терроризм» никоим образом не поменял природу «классического» терроризма, чьи составные элементы он только усилил, или же он, напротив, означает появление по-настоящему новой формы насилия, продолжает обсуждаться. Давайте вкратце коснемся некоторых аспектов.

Одной из главных характерных черт международного терроризма является то, что он не знает границ. Терроризм, конечно, подразумевает насилие, но этого не достаточно, чтобы дать ему определение. Еще необходимо уточнить, какой тип насилия он обнаруживает. Между тем, это прежде всего насилие, которое не знает границ, ничто не может а priori его ограничить. Международный террорист сразу вступает в смертельную борьбу. Террористов первыми следует считать выходящими за рамки классических различий между воюющими сторонами и нейтралами, гражданскими и военными, лицами, принимающими участие в военных действиях и не принимающими, целями легитимными и нелегитимными. В этом отношении терроризм похож на тотальную войну. Проблема здесь заключается в том, что борьба против терроризма связана, в свою очередь, с риском оправдать использование не важно каких средств. «Необходимо действовать партизанскими методами везде, где есть партизаны», - сказал уже Наполеон в 1813 году. Если терроризм определяется в качестве абсолютного врага, возникает соблазн считать, что ни одно средство нельзя исключить а priori, чтобы с ним покончить – особенно если придерживаться мнения, что классические (или демократические) средства оказываются неэффективными перед лицом такой угрозы. Использование пыток, например, неоднократно оправдывалось потребностями антитеррористической борьбы (выбить сведения, например, или еще предотвратить теракт). Итак, под предлогом эффективности есть большое искушение обратить против террористов методы, которые используют они сами.

Другой важной чертой является отсутствие связи с какой-либо территорией. В эпоху постмодерна, которая является временем конца привязанностей к определенным территориям, фигура партизана, которой Карл Шмитт приписывал еще ярко выраженный «теллурический характер», теряет, в свою очередь, связь с землей. Война против терроризма не имеет театра боевых действий. Противник не отождествляется (или отождествляется в малой степени) с какой-либо определенной территорией. Поль Вирилье даже сказал о «конце географии», что, конечно, чересчур, ибо данности геополитики сохраняются. Тем не менее излюбленная форма террористической деятельности в наши дни это сеть. То, что называют «Аль-Каидой», например, это не организация классического типа, которая имеет свое местонахождение и иерархию, но неясный конгломерат запутанных сетей. Эти террористические сети обретают тем большее значение, что эпоха постмодерна сама по себе является прежде всего эпохой сетей, эпохой, в которую поперечные сети приходят на смену имеющим пирамидальное строение организациям. И эти сети имеют широкий охват: их члены проживают во множестве стран, что подчеркивает отсутствие привязанности к какой-либо территории. Впрочем, если и партизан становится все в меньшей степени «теллурической» фигурой, то дело в том, что территориальная форма господства сама становится устаревшей. В наши дни более выгодно завоевывать умы или контролировать рынки, нежели чем захватывать и присоединять территории.

Параллель, которая часто проводилась между терактами 11 сентября 2001 года и атакой на Перл-Харбор в 1941 году, является в этом отношении глубоко ошибочной. Атаку на Перл-Харбор произвела страна, Япония, которая имеет точное местонахождение на карте. Теракты 11 сентября же отсылают к миру сетей, имеющих транснациональную природу. Соединенные Штаты, конечно, могли начать войну в Афганистане, обвиненном в том, что он служит убежищем или «святилищем» для групп Аль-Каиды, но эти группы нашли там пристанище только частично и на временных основаниях. «Всеобщая» война против терроризма, начатая Соединенными Штатами против терроризма, столкнула две стороны: «партизан», не привязанных к какой-либо территории и главным образом организованных в сети, с державой, которая стремится не к завоеванию территорий, а к установлению нового мирового порядка (*new world order*), воспринимаемого как необходимое условие для ее национальной безопасности, этот новый мировой порядок подразумевает всеобщее открытие рынков, гарантию доступа к энергетическим ресурсам, уничтожение регуляций и границ, контроль над коммуникациями и т.д. В таких условиях именно не логика земли определяет более действия партизан, но «морская логика» глобализации и отсутствия территориальной привязки, которая благоприятствует появлению новой формы терроризма, предоставляя в его распоряжение новые средства действия (17). Но необходимо заметить, что США, как их определяет Карл Шмитт, представляют собой морскую державу *par excellence*. Потому как глобализация сама подчиняется «морской» логике, борьба против терроризма, рассредоточенного по сетям, находящимся по ту сторону всяких земных границ, зависит целиком от той же самой логики Моря.

У появления терроризма, не имеющего территориальной привязки, есть и другое последствие. Оно влечет смешение военных или полицейских задач, получается, что они подменяют друг друга. Во время второй мировой войны, чтобы бороться против Сопrotивления, оккупационные войска уже должны были прибегать к полицейским мерам (розыск, задержание и допросы подозреваемых и т.д.), одновременно способствуя

милитаризации полиции, призванной сотрудничать с ними. Также во время антиколониальных войн регулярные войска вынуждены были использовать методы полиции, потому что речь шла для них прежде всего о том, чтобы выявить врага, который не носил униформы. В эпоху борьбы против международного терроризма это смешение задач полиции и армии достигает таких пропорций, что фактически упраздняется разница между внутренней и внешней политикой. Сталкиваясь с терроризмом, полицейские все более вынуждены прибегать к военным средствам, в то время как военные интервенции в другие страны представляются отныне как «операции международной полиции».

Терроризм, наконец, является войной, ведущейся во времена мира и, следовательно, он один из символов неопределенности, возникающей между двумя этими понятиями. Но эта война, как только что было сказано, заключается прежде всего в использовании методов полиции. Между тем, полицейский смотрит на своего противника совсем по-другому, нежели чем «традиционный» военный смотрит на своего. По определению, полиция не довольствуется тем, чтобы просто бороться с преступностью. Она стремится ее уничтожить. Она не может составить и заключить «мирный договор» с преступниками. Именно поэтому деятельность полиции не содержит в себе ничего политического, по крайней мере, когда она занимается своими классическими противниками, преступниками и злодеями. Взамен в ее деятельности присутствует очевидное «нравственное» измерение: преступник находится на стороне зла. Полицейский характер войны, ведущейся против терроризма, с этой точки зрения показателен. Как пишет Рик Кульзе, он лежит в основе «послания, которое хотели довести начиная с XIX века: терроризм не является формой легитимной политической деятельности. Он принадлежит к криминальной сфере» (19). Но является ли это послание убедительным? Является ли терроризм новой формой военных действий или новой формой преступности? (20)

Для тех, кто борется с терроризмом, все ясно. Когда они на публике говорят о своем противнике, террористы неизменно именуется преступниками. Это явление не ново. Во время Революции вандейские мятежники официально именовались «разбойниками». Приравнение террористов к преступникам, основывающееся на насильственном и непредсказуемом характере действий первых, также использовалось в прошлом, чтобы приклеить ярлык участникам Сопrotивления или «борцам за свободу» времен антиколониального движения. Именно исходя из этого приравнения было возможным рассматривать их как уголовных преступников, что оправдывало, например, отказ в статусе политических заключенных после ареста. В семантическом поле, как пишет Пьер Маннони, к террористам постоянно приклеивают также ярлыки «преступники», «убийцы», «бандиты», низводя их на уровень нежелательных, буйных элементов, нарушителей порядка и общественного мира, или же их именуют «варварами», «дикарями», «хладнокровными безумцами», имеющими нездоровые психические наклонности или жестокими и нецивилизованными по своей природе» (21). Мишель Вальце пишет, что «террористы напоминают спущенных с цепи убийц, которые уничтожают все на своем пути» (22). Итак, террористы могут быть либо преступниками, либо сумасшедшими.

Такой взгляд на терроризм превращает этот последний во врага, который не может иметь ничего общего с тем, на кого он нападает. Итак террорист становится Совершенно Иным. «Образ другого составлен как образ кого-то, кто никогда не сможет «быть таким, как мы»

(23). Заявления политиков в СМИ постоянно подтверждают это: дело, которое засчитать терроризм, собственно «недоступно постижению». Для Соединенных Штатов оно непонятно, поскольку американцы, убежденные, что они создали лучшее из возможных общество – даже единственное по-настоящему приемлемое, - естественно склонны считать немислимым, что кто-то может отвергнуть модель, поборниками которой они являются. Такая распространенная в Америке идея, что она является страной свободы (land of free) и представляет собой высшую форму организации общества, нацию, избранную Провидением, явно облегчает изображение террористов в качестве злодеев, извращенцев и безумцев: как «нормальные» люди в сентябре 2001 года могли не поверить в искренность американцев? «Как люди, которые имели меньше из всего того, что ценно, могли полагать, что те, кто этого имеют больше, обязаны этим чему-либо другому, как не своим заслугам?» (24). Все дело в том, что «террористы», которые «ненавидят США и все, что они представляют», (25) на деле уже ненормальные существа и, поскольку Америка отождествляется с Добром, они суть воплощение Зла. Отсюда терроризм может быть заклеен как явление одновременно иррациональное и криминальное, лишенное всякой логики и в сущности не имеющее политического значения.

Такой образ террориста, будь ли он сумасшедшим, преступником, или и тем и другим, бесспорно находит свое отражение в общественном мнении, когда террористические акты часто рассматриваются как не имеющие оправдания и непонятные действия («почему они это делают?», «но что же они хотят?»). Сама такая реакция совершенно понятна. Весь вопрос в том, не является ли подобный подход препятствием для анализа подлинной природы терроризма и выявления его причин.

Представление о террористе как о просто «преступнике» основывается на логике, которая исключает какую либо возможность легитимизации убийства. Однако эта логика наталкивается на факт, что на всякой войне убийство является легитимным. Риторика террористов имеет своей целью попытку включить свои собственные действия в сферу легитимности. На деле каждый террорист считает, как можно увидеть, во-первых, что его действия являются в высшей степени легитимными, что насилие, с которым связаны его действия, являются только следствием или отражением другого, «легального» насилия, что оно оправдано царящей несправедливостью, одним словом, что оно является реакцией на неприемлемую ситуацию.

Столкнувшись с подобной риторикой, претендующей на аргументированность, те, кто борется с терроризмом, напротив, тотчас же объявляют его преступным, только неохотно признавая, что он может иметь политические цели. Подчеркивается, что методы, которые он использует, лишают его права представлять себя как полноправного участника политической жизни. Исходя из методов делается вывод, что он принадлежит к криминальной сфере. Но отрицание политической природы терроризма объясняется исключительно эмоциональной реакцией. Со стороны властей подобное отрицание служит выражением позиции, имеющей в высшей степени политический характер, которая основывается на эмоциональной реакции. Оно проистекает из намеренного желания игнорировать политическое послание, которое несет террористический акт, - пишет Перси Кемп, - являясь следствием отрицания истины, понимаемой как обязательное условие основания нового этоса. Так, в Израиле отказ властей признать политический характер терроризма (в частности, отказ от каких-либо переговоров)

обнаруживает свои основания в отрицании той истины, что палестинцы являются жертвами израильской политики. Для США подобный отказ основывается на официальном отрицании реальности связей, которые сменявшие друг друга администрации поддерживали с исламским движением, и того, что вследствие после окончания холодной войны эти неудобные союзники были предоставлены сами себе» (26).

Однако, в то же самое время вполне допускается, что террористы ведут с государствами войну, и что последние в свою очередь сами должны вести с ними войну. Традиционные войны заканчивались подписанием мирного договора, что в данном случае исключено. Поэтому тип войны, который здесь подразумевается, это тотальная война, когда речь идет не только о том, чтобы победить, но о том, чтобы уничтожить врага. Карл Шмитт пишет, что «теологи имеют склонность давать врагу такое определение, как чему-то, что должно быть снесено с лица земли» (27). Именно в такой манере рассуждают приверженцы идеи «моральной войны», «справедливой войны», и именно таким же образом размышляют те, кто ведет «войну с терроризмом», то, что позволяет в точности также оправдывать то, что желаемо, не просто бороться с терроризмом, но уничтожить его. Отсюда хорошо видно, что эта война по своей природе очень отлична от войн традиционного типа, потому что она включает одновременно действия полиции и абсолютную войну.

«Мы не ведем переговоров с террористами», такие слова повторяют представители властей любого государства, которые с ними сталкиваются (даже если в действительности как раз случается, что они ведут переговоры более или менее скрытым образом, например, чтобы заплатить выкуп за освобождение заложника). Но международный терроризм со своей стороны, кажется, и не желает никаких переговоров, этим он отличается от киднеппинга, с которым он, впрочем, имеет много общего, но только лишь стремится нанести максимально возможный ущерб. Однако, если допустить, что его подлинной целью является не совершение самих террористических актов, но то, что он стремится достичь путем их совершения (вынудить занять ту или иную позицию, принудить к тому или иному изменению политики), значит необходимо допустить, что, напротив, он ищет «переговоров». Террористы всегда стремятся чего-то достичь: чтобы Франция прекратила поддерживать алжирский режим, чтобы США изменили свою политику на Ближнем Востоке, чтобы Россия ушла из Чечни и т.д. Заявление, согласно которому «мы не ведем переговоров с террористами», итак следует понимать как простой отказ уступать их требованиям. Конечно, власти оправдывают свой отказ от уступок, именно указывая на средства, используемые террористами для того, чтобы добиться уступок, средства, которые заведомо рассматриваются как неприемлемые, потому что вследствие их применения страдают «невинные люди» или гражданское население становится «заложниками». Но, конечно, ясно, что власти не пошли бы на уступки и в том случае, если те же самые требования были представлены им более «разумным» способом, и именно поэтому террористы, которым это известно, сразу же прибегают к самым крайним средствам – средствам, которые, как предполагается, помогут достичь того, что нельзя достичь другим способом, в то время как властям это облегчает задачу оправдать отказ от уступок.

Шмитт отличает традиционного партизана от «абсолютного партизана», который, воодушевленный своей верой в дело революции, освобождает себя от всех ограничений. Но это не превращает этого абсолютного партизана в преступника. Напротив, он видит в

нем в высшей степени политическую фигуру. Он замечает, например, что ярко выраженный характер деятельности партизана надо учитывать, потому что ведь необходимо отличать его от обычного бандита и преступника, которым движет желание личного обогащения» (28). Даже когда он оказывается только самоцелью, всякий террористический акт несет в себе политическое послание, которое следует расшифровать. Для террориста террор всегда потенциально «обратим в политический капитал» (Перси Кемп). В представлении Карла Шмитта, террорист является *hostis*, политическим противником. «Чем больше демократии будут отрицать то, что терроризм заключает в себе политическое послание, - добавляет Перси Кемп, - тем больше они будут способствовать росту насилия, позволяя террористу играть роль благородного мстителя» (29). Это, конечно, никоим образом не говорит, что террористические акты не являются также и преступлениями. Но это политические преступления, которых нельзя признать таковыми, если не учитывать обстановки и причин, которые позволяют дать им определение. Иными словами, политическое преступление это, прежде всего, политика, а затем уже преступление, и именно поэтому не следует отождествлять его с уголовным преступлением (что, конечно, никоим образом не означает того, что к нему надо относиться с большей снисходительностью).

Ограниченность того тезиса, согласно которому к терроризму можно прибегать как к «последнему средству», что он является «оружием бедных» и выражает «отчаяние» определенных кругов населения или меньшинств, без труда была выявлена различными авторами. Но тезис, что террористическое насилие является «лишенными логики», «иррациональным», «необъяснимым», исключительно «бесчеловечным», «преступным» или «варварским», еще меньше поддается обоснованию. Терроризм вовсе не «иррационален». Он не более (или не менее) иррационален, чем логикой рынка, которая по сути своей имеет религиозный характер, потому что делит мир на «верующих» (во всемогущество экономического регулирования или «невидимой руки») и «неверующих». Добавим, что тем более ошибочным является определить исламский терроризм как «нигилистический», что нигилизм является исчадием ада в восприятии мусульман (поэтому то, в чем мусульмане обвиняют больше всего Запад, это присущий ему нигилизм, который происходит из факта, то он может поставить в пример только материальные ценности). Нет ничего более далекого от реальности, чем представлять терроризм как иррациональную цепь исключительно патологических или преступных актов. Терроризм является частью политических устремлений, он отвечает стратегической логике. Эта логика и эти устремления упускаются из вида, когда начинается моральное осуждение и негодование в СМИ. «Даже теракты, когда они убивают всех без разбору, - пишет Пьер Маннони, - являются обдуманными и подчиненными точному плану. Все здесь подсчитано, чтобы произвести определенный эффект, так как нет ничего менее несерьезного, неопределенного и поддающегося импровизации, чем акция, в которой все распланировано: действующие лица, места, варианты и, прежде всего, политические и медийные последствия» (30). «Все эти негодования и моральны осуждения, - добавляет он, - в конце концов, вопреки самим себе только питают терроризм, самым фактом своего существования свидетельствуя о его способности потрясать умы».

В эпоху холодной войны Советский Союз представлял для Америки «симметричного» противника. В случае же международного терроризма она была втянута в конфронтацию именно асимметричного типа. «Война, - как замечает Пьер Маннони, - предполагает

прямую пропорциональную связь между охватом значительного пространства, напряженностью от умеренной по силе и непрерывной частотой; терроризм же характеризуется обратным пропорциональным отношением между незначительным пространственным распространением, крайней напряженностью и прерывистой частотой» (32). Еще недавно стремились к равновесию сил (или равновесию «страха»). Ныне же ключевым представлением является представление об асимметрии (но не дисимметрии, которая означает только неравенство количественного порядка между противостоящими силами).

«Война против терроризма» является асимметричной войной, что вытекает из природы самого феномена: именно потому что террорист не располагает классическими средствами борьбы, он прибегает к терроризму. Эта асимметрия существовала уже в эпоху классического партизана, что вызывало гнев у Наполеона. С появлением международного терроризма эта асимметрия распространилась на все уровни. Асимметрия действующих лиц: с одной стороны, неповоротливые структуры и государство, с другой, туманная логика и транснациональные группировки. Асимметрия цели: террористы знают, где и каким образом они нанесут удар. Их противники не знают (или знают только частично), где и каким образом им ответят. Асимметрия средств: 11 сентября 2001 года в течение нескольких минут боевые корабли, атомные бомбы, Ф-16 и ракеты морского базирования оказались устаревшими, столкнувшись с горсткой «фанатиков», вооруженных ножами для резки бумаги. Осуществленные при помощи смехотворных средств, теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне заставили вздрогнуть Америку и вызвали прямой или косвенный ущерб, оцениваемый на сумму более чем 60 миллиардов долларов (33).

Но главная линия асимметрии относится к области психологии: огромная пропасть отделяет людей, для которых многие вещи хуже смерти, и мир, в котором жизнь индивидуума, взятая сама по себе, рассматривается как благо, выше которого ничего нет. Западные люди в наши дни живут в «свободном от цепей» мире, где считается что нет ничего дороже жизни. На протяжении мировой истории это чувство было скорее исключением, чем правилом. Перси Кемп здесь очень справедливо сказал об «выборе в пользу антропоцентризма, когда, начиная с эпохи Возрождения, человека поместили в центр вселенной вместо Бога, а страх перед адом заменили страхом перед смертью» (34). Отсюда радикальная асимметрия между террористами, готовыми отдать свои жизни, отнимая жизни у других. Именно потому, что у них нет «страха перед смертью», и теми, для кого подобное поведение является «непостижимым», так как для них жизнь в любом случае более ценна, чем все прочее. Именно благодаря этой асимметрии существует тенденция со стороны жертв описывать терроризм как нечто происходящее из «абсурдного нигилизма»: рациональность западного мира делает его неспособным понять мотивации происходящие из логики, которую этот же самый мир однако знал в прошлом, а именно, что существует дело, доброе или дурное, которое заслуживает того, чтобы отдать за него жизнь. Отказ от сакрализации жизни в этом мире, отсутствие «страха перед смертью» с подобной точки зрения может проистекать только из фанатизма, напоминающего преступное безумие. Между теми, кто думает о другом мире, и теми, кто думает о пенсии, невозможно ничего общего. Для террористов смерть это награда. Сталкиваясь с этим желанием умереть, выступающим в роли абсолютного оружия, Запад неизбежно оказывается безоружным.

Терроризм, например, еще асимметричен в смысле того, что он производит огромное впечатление на общественное мнение притом, что его жертвами становится относительно небольшое количество людей, несоизмеримо меньшее, чем число жертв, убийств «классического» типа, которые происходят в мире каждый год. С этой точки зрения терроризм вполне сравним с авиационными катастрофами, которые случаются редко, но о которых сообщают все СМИ, потому что они влекут одновременную гибель нескольких десятков или сотен людей, в то время как число жертв автокатастроф в общей сумме намного больше, но о них никто не говорит, так как каждая из них по отдельности влечет слишком маленькое количество погибших. Терроризм равным образом является причиной гибели намного меньшего количества людей, чем этнические чистки, как это особенно можно было увидеть в Руанде, но он порождает более сильную реакцию, потому что он является более зрелищным. Между тем, этот зрелищный характер не отделим от цели, которую он преследует.

Международный терроризм направлен на ослабление государственных структур и дестабилизацию обстановки. Вспоминая современные теракты, Пьер Маннони очень верно замечает, что те, кто их совершают, стремятся не «вырвать массы из их апатии», как это было у революционеров прошлых времен, а напротив, «погрузить их туда и подавить их способности защищаться и проявлять инициативу» (35). Со своей стороны, Жарден По делает наблюдение, что с семидесятых годов целью терактов является «использовать посеянные страх и ужас для того, чтобы вынудить главную мишень принять определенную модель поведения или изменить свою политику желаемым образом» (36). Это определение показывает, что «главная мишень» это никогда не то, на что нацеливаются сразу, но то, что хотят неким образом затронуть рикошетом (и именно этим теракт напоминает киднеппинг). Уже во время ужасных бомбардировок гражданского населения Германии и Японии во вторую мировую войну мишенью были не сами жертвы, а германское и японское правительства. То же самое касается и международного терроризма, чьи акции направлены в большей степени на вторичный, нежели на первичный эффект. Например, 11 сентября 2001 года целью террористов было не столько разрушить башни-близнецы в Нью-Йорке, сколько травмировать зрелищем их разрушения общественное сознание. В этом важная разница с партизаном, который скорее стремится разрушить цели классического типа, то есть стремится прежде всего к первичному эффекту.

В современном мире эта цель достигается главным образом посредством средств массовой информации. Существует очевидная связь между тем, что крупным терактам присущ характер зрелища, и тем отголоском, который они дают в СМИ. Теракт настолько эффектен, насколько он потрясает воображение. Это то, что составляет шокирующее, будоражащее, порождающее эмоциональное потрясение и незамедлительную психическую реакцию зрелище, которое предает теракту его способность производить сильное впечатление: теракты 11 сентября являлись совершенной иллюстрацией этого.

Подъем терроризма принципиальным образом связан с расширением мировой медийной системы, которая увеличивает его «убойную силу». Эффект шока, вызываемого терактом, зависит не столько от его действительного масштаба, сколько от того, что о нем скажут: если о нем ничего не говорят, это все равно, что его бы не произошло. Как это очень верно заметил Поль Вирильо, «оружие СМИ в сущности превосходит оружие массового

поражения» (37). Существует нечто вроде извращенной, но органической связи между терроризмом и масс-медиа, связи, которая не может не напоминать тот образ, которым язык рекламы стремится внедриться в парадигму всех социальных языков (38). «Терроризм действует на двух уровнях, - пишет со своей стороны Рюдигер Шафрански, - конкретном и символическом. Медийное освещение терактов также важно, как и сами теракты. Именно по этому масс-медиа помимо своей воли становятся сообщниками террористов. Одни совершают теракты в ожидании, что другие о них сообщат [...]. Использование масс-медиа в качестве службы пропаганды относится к самой сути современного терроризма» (39). Итак, терроризм представляет собой смертельную игру, в которой задействованы четыре неразлучные стороны: террористы, жертвы, «главная мишень» (существующая власть) и масс-медиа.

Незадолго до смерти Жак Деррида задал такой вопрос: «Чем организованный, спровоцированный, инструментализованный террор отличается от того страха, который вся традиция, начиная от Гоббса и заканчивая Шмитом и даже Бенджамином считает условием власти закона и осуществление властных полномочий, условием существования самой политики и государства» (40). В общих чертах это мнение без сомнения является спорным, но Дерриде можно, по крайней мере, поставить в заслугу то, что он акцентирует внимание на представлении о страхе. В отношении международного терроризма страх перед опасностью имеет на самом деле еще большее значение, чем сама опасность. Террорист – это «незримый» враг, а значит вездесущий, который считается способным на все (41). То, что он не знает ограничений, и эта «незримость» служит ему в той степени, насколько благодаря им возрастает эффект страха. Не ведая ни границ, ни чувства меры, терроризм уничтожает все ориентиры, так как он исходит из логики, отличающейся радикальным образом от господствующей ныне рациональности. Его «невидимость» и непредсказуемость умножает страх, порождаемой угрозы, и одновременно они благоприятствуют всем и фантазерским, и конспирологическим измышлениям. В обществе, где «вездесущий» риск занял место опасности (поддающейся определению и локализации) (42), это, кроме того, породило всеобщую подозрительность, которая стремится оправдать неважно какую степень контроля. Или ограничение свобод для населения, которое часто готово пожертвовать своими свободами, ради гарантий большей безопасности.

Скажем яснее: терроризм – это война, идущая в мирное время, «даже война как мир – и это всеобщая», то есть тотальная война. Джордж Буш, обращаясь в 2001 году к Конгрессу, заявил, что она будет продолжаться долгое время, до тех пор пока все террористические группы международного уровня не будут обнаружены, задержаны и разгромлены («until every terrorist group of global reach has been found, stopped and defeated»). Лучше сказать, что эта необъявленная война также является войной, не имеющей конца. Поль Верилье написал, что «с появлением феномена терроризма мы вступили в эру войны без конца, в двух значениях этого слова» (43). На деле речь идет одновременно о войне, которая не может закончиться, и о войне, у которой нет точной и определенной цели. У нее нет конца для обеих сторон, потому что террористы не могут всерьез надеяться победить своих противников, в то время как эти последние не могут всерьез надеяться искоренить терроризм. Можно сказать, что золотые денечки международного терроризма еще впереди.

Примечания

1. Cf. notamment G.L. Negretto et J.A.A. Rivera, « Liberalism and Emergency Powers в Latin America. Reflections on Carl Schmitt and the Theory of Constitutional Dictatorship », в *Cardozo Law Review*, New York, 2000, 5-6, pp. 1797-1824 ; Thomas Assheuer, « Geistige Wiederbewaffnung. Nach den Terroranschlägen erlebt der Staatsrechtler Carl Schmitt eine Renaissance », в *Die Zeit*, 15 novembre 2001, p. 14 ; « Carl Schmitt Revival Designed to Justify Emergency Rule », в *Executive Intelligence Review*, 2001, 3, pp. 69-72 ; Frederik Stjernfelt, « Suverænitetens paradokser: Schmitt og terrorisme », в *Weekendavisen*, 10 mai 2002 ; Carsten Bagge Lausten, « Fjender til døden: en schmittiansk analyse af 11. September og tiden efter », в *Grus*, 71, pp. 128-146 ; William Rasch, « Human Rights as Geopolitics. Carl Schmitt and the Legal Form of American Supremacy », в *Cultural Critique*, 2003, 54, pp. 120-147 ; Nuno Rogeiro, *O inimigo público. Carl Schmitt, Bin Laden e o terrorismo pós-moderno*, Gradiva, Rio de Janeiro 2003 ; William Rasch, « Carl Schmitt and the New World Order », в *South Atlantic Quarterly*, 2004, 2, pp. 177-184 ; Peter Stirk, « Carl Schmitt, the Law of Occupation, and the Iraq War », в *Constellations*, Oxford, 2004, 4, pp. 527-536 (texte repris в Peter Stirk, *Carl Schmitt, Crown Jurist of the Third Reich. On Preemptive War, Military Occupation, and World Empire*, Edwin Mellen Press, Lewiston 2005, pp. 115-129) ; Fabio Vander, *Kant, Schmitt e la guerre preventiva. Diritto e politica nell'epoca del conflitto globale*, Manifesto libri, Roma 2004. Вильям Раш также постарался перевести тезисы Шмитта касательно конфликта на язык, заимствованный у Лумана и Лиотара (« Conflict as a Vocation: Carl Schmitt and the Possibility of Politics », в *Theory, Culture and Society*, décembre 2000, pp. 1-32). Жак Деррида высказался за критическое прочтение Шмитта при анализе нынешней международной ситуации (« Qu'est-ce que le terrorisme ? », беседа с Джованной Боррадори в *Monde diplomatique*, Paris, février 2004, p. 16). Жорж Корм полагает, что «коллизии, свидетелями которых мы являемся со времен важных событий 11 сентября 2001 года, и воинственная энергия, которую развили Соединенные Штаты для того, чтобы внушить всем необходимость тотальной войны с террористическим монстром», только подтверждают «проницательность взглядов» Карла Шмитта (*Orient-Occident. La fracture imaginaire*, 2e éd., Découverte, Paris 2005, p. 194).
2. *Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen*, Duncker u. Humblot, Berlin 1963 (перевод на французский в *La notion de politique – Théorie du partisan*, Calmann-Lévy, Paris 1972, 2e éd. : Flammarion, Paris 1992).
3. См., например, J.F.C. Fuller, *La conduite de la guerre de 1789 à nos jours*, Payot, Paris 1963, p. 27.
4. Цит. по Marcel Reinhard, *L'armée et la Révolution pendant la Convention*, CDU, Paris 1957, p. 141.
5. Цит. по Marcel Reinhard, в *Le Grand Carnot*, Hachette, Paris 1994, p. 432.
6. Jean-Yves Guiomar, *L'invention de la guerre totale, XVIIIe-XXe siècle*, Félin, Paris 2004, pp. 13-14.
7. Cf. André Corvisier (éd.), *De la guerre réglée à la guerre totale*, 2 vol., CTHS, Paris 1997.
8. Жан-Ив Гьомар в своей книге подчеркивает сам, что «анализ, представленный Карлом

Шмиттом, великолепен». (op. cit., p. 313).

9. В «Новой рейнской газете» от 7 ноября 1848 года уже Карл Маркс упоминает «революционный терроризм» в качестве одного из необходимых средств для достижения победы. Но именно Ленин превратит насилие в неизбежную отправную точку для завоевания власти пролетариатом.

10. *Théorie du partisan*, op. cit., 2e éd., Paris 1992, p. 224.

11. *Ibid.*, pp. 257 et 303.

12. *Ibid.*, p. 235.

13. Послесловие к Carl Schmitt, *Terre et Mer. Un point de vue sur l'histoire mondiale*, Labyrinthe, Paris 1985, pp. 108-109.

14. *Théorie du partisan*, op. cit., 2e éd., pp. 287 et 305.

15. См. Carl Schmitt, *Legalität und Legitimität*, Duncker u. Humblot, München-Leipzig 1932 (перевод на французский: *Légalité – légitimité*, Librairie générale de droit et de jurisprudence, Paris 1936, 2e éd. : « *Légalité et légitimité* », в Carl Schmitt, *Du politique. « Légalité et légitimité » et autres essais*, Pardès, Puiseaux 1990, pp. 39-79).

16. То, что американцы и европейцы не могут придти к согласию в отношении того, как определить также движения, как палестинский «Хамас» или ливанскую «Хезболлу» (два движения, которые никогда не вели борьбы за пределами границ их территории), является еще одним примером того, как трудно провести четкую границу между «сопротивлением» и «терроризмом». Согласно израильскому закону, насильственные действия, совершаемые палестинцами, являются преступлениями или правонарушениями, и лица, их совершившие, не могут пользоваться правами, которые полагаются военнопленным. Но в то же самое время репрессивные действия, осуществляемые против них, официально квалифицируются как военные действия, что не требует возмещения ущерба, причиненного третьим лицам, но не как полицейские операции, которые предполагают возмещение подобного ущерба. См. на эту тему Henry Laurens, « *La poudre proche-orientale entre terrorisme classique et violence graduée du Hezbollah* », in *Esprit*, Paris, mai 2005, pp. 141-149.

17. О связи между терроризмом и глобализацией и бреши, которую создает эта последняя между странами, относящимися к «центру» глобализованного мира, функционирующего как сеть, и остальными, см. Thomas P.M. Barnett, *The Pentagon's New Map. War and Peace in the Twenty-first Century*, Putnam, New York 2004.

18. С 2000 года «соединение» (blending) систем внутренней безопасности и военной стратегии представлялась в США как идеальная всеобщая модель борьбы против террористической угрозы. В докладе NSS констатируется, что «в наши дни различие между внутренней и внешней политикой уменьшается» (p.29). Специалисты по контртеррористической борьбе со своей стороны все более обращаются за советами к криминологам. См. A. Dal Lago, *Polizia globale. Guerra e conflitti dopo l'11 settembre*, Ombre corta, Verona 2003.

19. Rik Coolsaet, *Le mythe Al-Qaida. Le terrorisme, symptôme d'une société malade*, Mols, Bierges 2004, p. 113.
20. На эту тему см. Christopher Daase, « Terrorismus und Krieg. Zukunftsszenarien politischer Gewalt nach dem 11. September 2001 », in Rüdiger Voigt (Hrsg.), *Krieg – Instrument der Politik? Bewaffnete Konflikte im Übergang vom 20. Zum 21. Jahrhundert*, Nomos, Baden-Baden 2002, pp. 365-389. См. также Richard Falk, « Thinking About Terrorism », в *The Nation*, 28 juin 1986 ; Teodoro Klitsche de la Grange, « Osservazioni sul terrorismo post-moderno », в *Behemoth*, Roma, 30, 2001.
21. Pierre Mannoni, *Les logiques du terrorisme*, In Press, Paris 2004, p. 41.
22. Michael Walzer, *De la guerre et du terrorisme*, Bayard, Paris 2004, p. 80.
23. Francesco Ragazzi, « “The National Security Strategy of the USA” ou la rencontre improbable de Grotius, Carl Schmitt et Philip K. Dick », in *Cultures et conflits*, 18 mai 2005.
24. Immanuel Wallenstein, *Sortir du monde états-unien*, Liana Levi, Paris 2004, p. 66.
25. Rapport du NSS, p. 14.
26. Percy Kemp, « Terroristes, ou anges vengeurs », in *Esprit*, Paris, mai 2004, pp. 21-22.
27. *Ex captivitate salus*, Greven, Köln 1950, p. 89 (trad. fr. : *Ex captivitate salus. Expériences des années 1945-1947*, J. Vrin, Paris 2003).
28. *Théorie du partisan*, Flammarion, Paris 1992, p. 218.
29. Art. cit., p. 20.
30. Op. cit., p. 8.
31. Ibid., p. 17.
32. Op. cit., p. 29.
33. О представлении об асимметричной войне, см. Jorge Verstryngue, *La guerra periférica y el islam revolucionario. Orígenes, reglas y ética de la guerre asimétrica*, El Viejo Topo, Madrid 2005.
34. Art. cit., p. 19.
35. Op. cit., p. 10.
36. « A Definitional Focus », in Y. Alexander et S. Finger (ed.), *Terrorism. Interdisciplinary Perspectives*, New York 1977, p. 21.
37. « L'état d'urgence permanent », in *Le Nouvel Observateur*, Paris, 26 février 2004, p. 96.
38. Cf. Pierre Mannoni, *Un laboratoire de la peur : terrorisme et médias*, Hommes et perspectives, Marseille 1992.

39. Rüdiger Safransky, *Quelle dose de mondialisation l'homme peut-il supporter ?*, Actes Sud, Arles 2005, p. 84.

40. « Qu'est-ce que le terrorisme ? », entr. cit., p. 16.

41. Джордж Буш, как пишет Франсуа-Бернар Хейг, «является первым, кто сделал своим коньком борьбу против опасности, исходящей не от враждебной империи, но от прибегающей к аморальным средствам подпольной группы». (« Le terrorisme, le mal et la démocratie », in *Le Monde*, Paris, 18 février 2005).

42. Cf. Ulrich Beck, *La société du risque*, Aubier, Paris 2001 (2e éd. : Flammarion, Paris 2003).

43. Art. cit., p. 97. «Международный терроризм доводит до крайности два аспекта, - замечает со своей стороны Юрген Хабермас, - отсутствие реалистичных целей и способность извлекать выгоду из уязвимости сложных систем» (беседа с Джованной Боррадори, в *le Monde diplomatique*, février 2004, p. 17).